

Кобенцель не хорошо себя при высочайшем дворе в поведении своем располагает, и для того к нему никто должного уважения не имеет, о чем де венский двор к нему писал с неудовольствием, и он да сему причиной полагает его, а вместо де того двору венскому зделал замечание о сем граф Литта, и хочет жаловаться на него своему двору о всех случившихся с ним неудовольствиях, а к тому и мое письмо у венского двора представить».¹³

Отрывок этот, на который в свое время обращал внимание уже В. А. Францев,¹⁴ весьма примечателен для характеристики не только настроений И. Штернберга, но и манеры его поведения в России. Как легко убедиться из слов А. А. Прозоровского, его «нелюбовь» касалась не страны — да это противоречило бы и тому, о чем чешский путешественник позднее писал в своих книгах, — а царского правительства и его политики; это полностью согласовывается с тем, что мы знаем о Штернберге. Московский главнокомандующий невольно отметил именно эту прогрессивную сторону позиции Штернберга, его стремление к контактам не с официальными и «знатными» лицами, а людьми «среднего состояния», т. е. как раз с теми, к кому обращались незадолго перед тем и А. Н. Радищев, и Н. И. Новиков. Наконец, существенно и то, что А. А. Прозоровский, на основании информации И. Б. Пестеля, недвусмысленно квалифицировал Штернберга как масона-иллюмината, тем самым прозрачно намекая на сугубую «опасность» задержки его в Москве, еще жившей недавними событиями и слухами, связанными с арестом Н. И. Новикова. Именно поэтому намек А. А. Прозоровского из цитировавшегося выше донесения следует непосредственно сопоставить с «Делом о расследовании масонских собраний», начатом 10 апреля 1792 г. и законченном только 20 октября следующего года; во время пребывания И. Штернберга в России, таким образом, пресловутое «дело» было в самом разгаре.¹⁵ Насколько власти опасались каких-то неподозволенных контактов чешского путешественника, видно хотя бы из того, что на обратном пути из Москвы у него была опечатана и на время даже изъята находившаяся при нем корреспонденция.¹⁶ Это свидетельствовало о том, что Екатерина II видела в Штернберге не обычного иностранного путешественника, а политически неблагонадежное лицо. Насколько была она права в своих подозрениях — вопрос иного рода. Но, думается, масонство Штернберга занимало здесь не последнее место. Кроме того, было известно, что другой чешский аристократ, игравший заметную роль в австрийской политической жизни, граф И. Хотек имел личные связи в ближайшем окружении цесаревича Павла Петровича,¹⁷ а ведь именно стремление «уловить» последнего

¹³ Там же, л. 3 об.

¹⁴ *Francev V. A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka...*, s. 40—42.

¹⁵ Моск. гос. ист. архив, ф. 16, оп. 29, № 64.

¹⁶ *Vávra J. Čeští osvícenci...*, s. 116.

¹⁷ *Vávra J. Česko-ruské vztahy...*, s. 35.